

Д.Д. Минаев

Думы и песни

Юмористические стихотворения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Д. Минаев**
Думы и песни: Юмористические стихотворения / Д.Д. Минаев – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 610 с.

ISBN 978-5-517-96869-2

ISBN 978-5-517-96869-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А все охаетъ, стонетъ да мнется.
 Мы съ женой стали думать, гадать, —
 Тутъ и насъ защемила кручина —
 И рѣшили мы сваху послать
 Прямо къ старостѣ сватать за сына.
 Не изъ бѣдныхъ мы здѣсь мужиковъ,
 И у насъ есть кой-что за душою,
 И такихъ, какъ мой сынъ, жениховъ
 Поищи — не отыщешь съ свѣчою.
 Поломался сначала отецъ,
 Мы съ подарками дружекъ послали,
 А чрезъ мѣсяцъ — свели подъ вѣнецъ
 Молодыхъ, да и свадьбу съиграли!

Такъ прошла, словно праздникъ, весна,
 Веселѣй стала наша избѣнка,
 Сынъ покоенъ, покойна жена;
 Полюбилася вѣзмъ намъ бабѣнка.
 Приготовить съ зарей всё въ избѣ,
 И въ овчарню и птичникъ заглянеть,
 Угодить, что, поди-на тебѣ,
 Али подъ вечеръ пѣсню затянеть.
 Славно пѣла, бывало, она,
 Пѣсней за душу прямо хватала,
 Да силенъ видно былъ сатана:
 Вѣдь отъ пѣсни она и пропала.

Къ намъ изъ города, лѣтомъ, въ село
 Управителя выслалъ нашъ баринъ;
 Тутъ ужъ дѣло иное пошло,
 Началъ бить да ругаться, татаринъ!
 Былъ тщедушный такой, не большой,
 А въ селѣ его крѣпко боялись;
 Знамо дѣло: съ вѣмецкой душой,
 Такъ и руки на насъ поднимались.

На бѣду гдѣ-то видѣлъ онъ разъ,
 На гумнѣ, али въ полѣ Анютку, —
 Отъ поганыхъ не спрячешь вѣдь глазъ, —
 Ну и врѣзался въ бабу не въ шутку.
 Сталъ къ намъ въ избу почасту ходить,
 Будто такъ, отдохнуть, не нарокомъ,
 Рѣчь со мной да съ женой заводить,
 А на бабу глядитъ только бокомъ.
 Сталъ потомъ заговаривать съ ней,
 Да какъ пѣсню она разъ запѣла,
 Задрожалъ весь, я помню, злодѣй,
 Да съ тѣхъ поръ и пошло это дѣло...
 Ужъ и чѣмъ онъ ее полонилъ,
 Какъ совсѣмъ овладѣлъ молодухой,
 Чѣмъ отъ мужа ее отманилъ,
 Мы и умъ потеряли съ старухой.
 Видимъ: баба не знай — какъ дурить,
 Что ни день — у молодки обнова, —
 Спросишь — кто тебѣ это дарить? —
 А она — хоть единое-бъ слово!...

Тутъ и сынъ началъ дѣло смѣкать,
 Что отъ рукъ отбивалась Анютка,
 Съ нимъ молчить, аль начнетъ попрекать...
 Растерялся совсѣмъ нашъ Васютка,
 Все лежитъ на печи день-деньской,
 И какъ баба всё рюмить, да плачетъ,
 Высохъ весь, сталъ какъ щепка худой,
 Видишь, — больно любилъ ее значить.
 Такъ-то нынче, успенскимъ постомъ,
 Когда ночки пошли потемнѣе —
 И ввалилась невзгода въ нашъ домъ.
 Эхъ, какъ вспомню, такъ въ гробъ бы скорѣе,
 Просто каторга жизнь мнѣ была:
 Сынъ томится, да стонетъ старуха,

Лишь одна, какъ ни въ чемъ не была
 Все гуляетъ у насъ молодуха.
 Чуть настанетъ ночная пора,
 На себя она шубку накинеть,
 Въ дверь юркнуётъ, да вотъ такъ до утра
 Изъ избы въ тихомолку и згинетъ.
 Ужь и смѣлость такая наша,
 Вишь заступникомъ былъ управитель,
 Значить, сила у бабы была,
 Да не спасъ ее этотъ губитель.

Не забыть мнѣ запрошлую ночь,
 Она вотъ гдѣ, у сердца засѣла!...
 Позабылся я эдакъ въ полночь,
 Знать дремота сильно одолѣла...
 Сывъ улегся въ избѣ на полу,
 На палатахъ старуха со мною,
 А Анютка на лавкѣ въ углу.
 Забываться я сталъ подь дремлю,
 Слышалъ, будто бы, только сивозъ сонъ,
 Кто-то скрипнулъ въ избѣ половицей,
 Да и вышелъ на улицу вонъ;
 Я окликнулъ — все тихо въ свѣтицѣ,
 Повернулся и крѣпко заснулъ.
 Да чрезъ часъ меня что-то кольнуло,
 Какъ я всталъ, да въ оконце глянулъ,
 Такъ колѣни мои и согнуло.
 Вижу: дружно огонь охватилъ
 Всѣ господскіе наши хоромы,
 (Въ нихъ тогда управляющій жилъ),
 Ну, пылаютъ, какъ связка соломы.
 На бѣду еще вѣтеръ большой,
 Такъ и хлещетъ огонь по стропиламъ,
 Вдругъ забѣгалъ народъ, какъ шальной,
 И тушить имъ пожаръ не по силамъ.

Онѣмѣль я, и сердце мнѣ вдругъ —
 Непонятная сжала кручина,
 Да какъ глянуть въ избѣ я вокругъ —
 Ни Анютки, гляжу, нѣтъ, ни сына.»

— Что же, дѣдушка, сынъ твой зачѣмъ —
 Уходилъ этой ночью изъ дому?

«Эхъ, стугбилъ себя парень совсѣмъ,
 Вѣдь случиться же дѣлу такому!...
 Обо всемъ я ужъ послѣ узналъ,
 Какъ позвали меня въ становому.

Видишь, долго Васютка молчалъ
 Да, звать, силъ подъ конецъ не хватило:
 Молодая душа, не сдержалъ,
 Ретивое въ груди заходило...
 Этой ночью онъ смотритъ — жена,
 Только всѣ улеглись, поднялася;
 Мужъ за нею и видитъ — она
 Въ барскій домъ вдоль плетня пробралася.
 Помутилось у Васьки въ глазахъ,
 Молодецкая кровь забродила —
 И поползъ онъ въ хоромы въ потьмахъ,
 Знать, толкнула нечистая сила.
 Къ управителю прямо въ покой
 Онъ прокрался, — зашелъ умъ за разумъ, —
 Какъ нашелъ, значить, нѣмца съ женой
 И — покончилъ съ обоими разомъ...
 Да не тѣмъ еще тутъ порѣшилъ:
 Натаскалъ въ домъ въ охапку соломы,
 Да изъ печки углей наложилъ, —
 Ну и вспыхнули разомъ хоромы,
 И еще не потухнулъ пожаръ,
 Подступить нельзя было къ дому,

Знать отъ сердца отхлынулъ угаръ,
Самъ съ пошинной пришелъ къ становому.
Все сказалъ, что и домъ онъ поджегъ,
Что и нѣмецъ въ покояхъ изжаренъ...
Ну, извѣстно, схватили въ острогъ.
А потомъ... ужъ и самъ знаешь, баринъ!..

Сатиры Ювенала.

I.

ДРЕВНИЙ РИМЪ.

«Quando artibus, inquit, honestis
Nullus in Urbe locus, nulla emolumenta laborum;
Res hodie minor est, here quam fuit, atque eadem cras
Deteret exiguis aliquid: proponimus illuc
Ire, fatigatas ubi Daedalus exiit alas».

D. Iun. Juvenalis satira III.

Когда среди холмовъ разслабленнаго Рима
Одинъ слѣпой развратъ все давить несдержимо,

Когда опоры нѣтъ для честнаго труда,
И такъ податлива на подкупы нужда, —

Уйдемъ мы въ тѣ мѣста, гдѣ биться перестало
Крыло разбитое изгнанника Дедала *).

*) Дедалъ — мифологическій герой, изобрѣтатель топора и другихъ орудій, строитель Лабиринта на островѣ Критѣ, куда, за убійство, онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ. Желая освободиться,

Пока я бодръ еще подъ серебромъ сѣдинъ,
Пока я безъ клюки брести могу одинъ,

И у Лахезы *) есть еще остатокъ пряжи —
Бѣгу изъ города корысти и продажи.

Пусть остаются здѣсь Арторій и Катулъ **),
И гордый, вѣчный Римъ пусть слышитъ только гулъ

Однихъ откупщиковъ, на откупъ взявшихъ храмы,
Канавы грязныя, гноящіяся ямы,

И трупы горожанъ, и темные гроба,
И торгъ свободою забитаго раба,

Сносявшаго отъ нихъ съ терпѣніемъ удары;
Пусть наводняють Римъ канатные фигляры,

Флейтисты, плясуны народныхъ площадей,
Толпа воровъ, убійць, наемщиковъ-судей,

Которые купить мѣста свои успѣли,
Хотя вчера еще ходили въ черномъ тѣлѣ...

Что жь дѣлать въ Римѣ мнѣ? Ко лжи я не привыкъ,
Бездарнаго пѣвца не хвалить мой языкъ,

Не въ силахъ я кадить богатому болвану,
Я сыну богача предскаазывать не стану,

Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну крылья, но Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко къ солнцу, воскъ растаялъ, и оля утонулъ. Дедалъ спасся на островъ Сицилію. О Сициліи и говоритъ теперь Ювеніалъ.

*) *Лахеза* — одна изъ Паркъ, и именно та, которая прядетъ нить жизни.

***) Арторій и Катулъ, вѣроятно, личности, пользовавшіяся не совсемъ хорошей репутаціей въ Римѣ.

Какъ магъ всезнающій, какъ наглый звѣздочетъ,
Когда отецъ его отъ дряхлости умретъ;

Какъ гнусный клеветникъ, не буду я изъ мести
Чернить любовника доврчивой невѣстѣ.

Бросаю съ ужасомъ проклятыя мѣста,
Гдѣ правду давить ложь, гдѣ честность — сирота,

Гдѣ сна покойнаго, правъ голоса лишенный,
Сталъ бесполезенъ я, какъ нищій прокаженный...

Въ толпѣ предателей римлянинъ здѣсь привыкъ,
Знать много страшныхъ тайнъ — и подавлять свой крикъ,

Привыкъ ихъ хоронить, какъ кладъ хоронить скряга,
Но всѣ сокровища, добытыя изъ Таго,

Все золото земли, спаса отъ нищеты,
Здѣсь не спасутъ тебя отъ черной клеветы,

Отъ злой бессонницы, отъ вѣчнаго испуга,
Отъ зависти враговъ и отъ доносовъ друга.

Квириты *), Римъ ли здѣсь, иль Греція сама?
Да и одна ль она, ахейская чума,

Явилась тучею роднаго горизонта?
— Изъ дальней Сиріи, отъ береговъ Оронта

Намъ завѣщаль изнѣженный востокъ
И нравы, и языкъ, и самый свой порокъ,

*) Квириты — почетное названіе римлянъ.

Въ лицѣ блудницъ своихъ, на женщинъ не похожихъ,
У цирка, въ воротахъ, хватающихъ прохожихъ.

Бѣгите жь обнимать прелестницъ выписныхъ
Въ ихъ размалеванныхъ уборахъ головныхъ *),

Чтобъ, похоти порывъ на ложѣ ихъ утратя,
Могли измучиться вы въ собственномъ развратѣ!...

О, Ромулъ! Ты своихъ потомковъ оцѣни:
Какъ гладиаторы раскрашены они,

И куклы цезарскихъ вапризовъ и забавы,
Всѣ носить на себѣ значки минутной славы **).

Кому жь, кому жь теперь приютомъ Римъ нашъ сталъ?
Со всѣхъ концовъ земли, отъ Самоса, изъ Траллъ,

Изъ Алабандъ ***) сюда ворвались словно рѣки,
Для козней и интригъ пронырливые греки.

Забудемъ ли мы ихъ? Они къ намъ занесли
Таланты всѣхъ людей, пороки всей земли,

Грекъ — это все: онъ риторъ, врачъ-обманщикъ.
Ученый и авгуръ, фигляръ, поэтъ и банщикъ.

*) Эти такъ называемыя, «жертвы общественного темперамента» привозились въ Римъ съ востока и преимущественно изъ Сирѣи, съ береговъ Оронта. Ихъ отличительною принадлежностью была особенной формы шапка, называемая *митрою*. Ювеналъ говоритъ: «Ite, quibus grata est picta lupi barbara mitra!» то есть: ступайте любоваться разрисованными митрами на ихъ головахъ.

***) Побдители на играхъ пользовались въ то время *спортулою* (пайкомъ) отъ двора цезарей и носили на шеѣ особенные значки за свои объемы въ циркѣ; объ этихъ-то значкахъ и упоминается въ сатирахъ.

***) Траллы и Алабанды — города въ Каріи, въ Малой Азіи.

За деньги онъ готовъ идти на чудеса,
Скажите: «полѣзай сейчасъ на небеса!»

Голодный, жадный грекъ, лишь изъ-за корки хлѣба,
Не долго думая, полѣзеть и на небо *)...

О мнѣ ль сносить, какъ пришлецовъ здѣсь чтуть,
Какъ на пирахъ римлянъ сидеть аѳинскій шутъ,

Потворствуя страстямъ и лести неутомимо
Передъ нетрезвыми развратниками Рима?

Прислушайтесь къ словамъ аѳинскаго льстеца:
Онъ превозноситъ умъ ничтожнаго глупца,

Клянется въ красотѣ богатаго урода,
И чахлымъ старикамъ, у гробоваго входа,

Влачащимъ жизнь свою усталую едва,
Съ обидной наглостью бросаетъ онъ слова:

«О, вы сильны еще, въ васъ вижу силы тѣ я;
Сильны, какъ Геркулесъ, стеревшій въ прахъ Ан-
тея»**).

Смотрите, наконецъ, какъ грекъ мѣняетъ видъ:
Онъ собственный свой полъ, природу исказить,

*) Намежъ не на Дедала, но на одного грека, времямъ Нерона, который пробовалъ летать въ Римѣ.

***) Антей — мифологическій гигантъ, сынъ Нептуна и Земли. Геркулесъ три раза побивалъ его, но мать Антея всегда возвращала сыну прежнія силы. Наконецъ Геркулесъ задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.